

5.

ПАМЯТИ ХРАНИТЕЛЕЙ

Тункина И.В. Хранители академической памяти (XVIII – первая треть XX в.). Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб.: Нестор-История, 2016. 512 с., ил. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 8).¹

Историю архивов в нашей стране писали главным образом их посетители, то есть учёные-историки, которые могли заниматься с документами в читальном зале хранилища документов. Архивисты же практики почти всегда поглощены организационной, обслуживающей корпоративных и частных клиентов, публикационной и иной своей собственной работой. Между тем понять и оценить этапы развития благородного дела хранения национальной памяти лучше всего возможно, если смотреть на него, так сказать, «в двух зеркалах» — изнутри и снаружи архивного ведомства. Этой возможностью сполна воспользовалась Ирина Владимировна Тункина. Ею подготовлена и опубликована фундаментальная история архива Российской Академии наук, в Санкт-Петербургском филиале которого она работает с 1978 года, а с 2001 года и до сего времени — директором (на всякий случай поясню, что отделением Архива АН это учреждение стало только в 1963 году, когда дирекция переехала в Москву; филиалом оно было поименовано в 1991; хотя изначально именно в северной столице был основан и долгое время существовал Архив Российской Академии наук (РАН)).

Сегодня именно в этом формально филиале РАН содержатся её самые старые и ценные архивные фонды. Тут отложилось документальное наследие многих подразделений академии, научных и вспомогательных, за XVIII–XX столетия, начиная с Библиотеки, собственно Архива (канцелярии / правления), Издательства, Типографии, Книжной лавки, Ботанического сада, Главной астрономической обсерватории в Пулковке, департаментов и палат (рисовальной, гравировальной, инструментальной и прочих). Здесь же находятся материалы академических экспедиций, охвативших за те же два с лишним века многие регионы России и всего мира. После разгрома «старой» науки в СССР на грани 1920–1930-х годов сюда поступила масса документальных материалов членов АН и других учёных. Имеются документальные фонды музеев, начиная с Кунсткамеры и созданных на её основе в начале XIX века специализированных хранилищ — музеев антропологии и этнографии, геологического, минералогического,

¹ Первая публикация (с маленькими сокращениями): Вестник РАН. 2018. № 11. Т. 88. С. 1059–1062.

зоологического и других. Развитие науки в конце XIX – первой трети XX века отражают материалы многочисленных комитетов, ассоциаций и комиссий, учреждавшихся при Академии (Археологической, Византийской, Комиссии по изучению естественных производительных сил страны (1915–1930) и «племенного» состава её населения (1917–1930); созданных на основе всех этих учреждений в Петербурге – Ленинграде лабораторий и институтов — Астрономического, Геоморфологического, Химического, Демографического, Петрографического и других; а также Института русской литературы (Пушкинского Дома); Азиатского музея – Института востоковедения и других институтов гуманитарного профиля [1].

С 2010 года, в канун 300-летия Архива РАН коллектив учреждения под руководством И.В. Тункиной и при её энергичнейшем участии целенаправленно выявлял в своих недрах документальные материалы по его собственной истории, сполна отражённые в рецензируемой монографии. Так что опыт государственной архивной службы у автора рецензируемой книги более чем достаточный. Вместе с тем Ирина Владимировна пользуется заслуженным авторитетом и международной известностью и как автор фундаментальных работ по истории отечественной науки, прежде всего археологии. Она, сразу вслед за А.А. Формозовым (1929–2009) из Института археологии РАН [2], выступила среди нескольких основателей этой сравнительно молодой дисциплины — историографии древностей.

Обращаясь к оценке её новой книги — о возникновении и первых двух веках существования архива Академии наук, надо учесть, что археология поначалу и довольно долго, вплоть до начала XX столетия понималась в нашей стране гораздо шире нынешнего. Не только ископаемые артефакты, но и практически все остальные памятники старины — рукописи, старопечатные книги, иконы, прочий антиквариат, даже фольклор привлекали внимание первых русских археологов. Так что написанная прежде И.В. Тункиной фундаментальная история античной археологии в России [3] послужила необходимым контекстом, в котором только и возможно лучше осознать науку и практику работы с документальными, архивированными источниками исторического знания. К тому же рецензируемой монографии предшествовал целый массив публикаций автора об академической науке, её учреждениях и деятелях, русских и иностранных; изданий их научного наследия (См. обширную библиографию к персональной статье «И.В. Тункина» русскоязычной Википедии).

«Вместо предисловия» книге предпослан очерк «Академические архивы как зеркало истории государственного управления академической наукой» в России. Тут лапидарно сформулирована необходимая точка отсчёта при рассмотрении этой темы: «И в царское, и в советское время организация делопроизводства в Академии наук являлась не только инструментом соответствующих функций государственного управления, но и

средством контроля властей за деятельностью ведомства в целом и отдельных его служащих» (С. 9). Так что это исследование истории хранения оставшихся от руководящих органов Академии документов есть вместе с тем реконструкция основных этапов и методов руководства академической наукой в так или иначе модернизировавшейся России.

*Член-корреспондент РАН Ирина Владимировна Шункина
на церемонии передачи в музей оригинала письма А.П. Чехова. 2010 год.
С сайта visualrian.ru*

С момента своей организации Академия обладала правом самой постоянно хранить свои архивные фонды, не передавая их, как все остальные учреждения страны, в государственные архивы. Этому права она не лишилась даже в результате так называемого «Академического дела» 1929–1931 годов, когда чекисты обнаружили в Библиотеке АН СССР документы отречения Николая II и другие бумаги государственной важности, использовали их как повод для арестов и прочих репрессий учёных «старой школы». А вот сегодня, по ходу реформы РАН все академические архивы оказались было выведены из её подчинения и переданы в структуру новоявленного агентства — ФАНО. Автор справедливо рассматривает эту законодательную меру как прямую угрозу разрушения системы хранения документов, складывавшейся

на протяжении веков. К счастью, в 2016 году Правительство РФ начало исправлять эту ситуацию и вернуло право постоянно хранить документы Академии её Архиву, а также целому ряду институтов гуманитарной направленности. Так что перед нами «первый научный архив России и один из богатейших научных архивов мира» (С. 10). Автор, основываясь на массе документов, выявленных по истории самого архива, констатирует, что и власть предрержащие в российском государстве, и руководство самой академии никогда не обеспечивали её документохранилища в достаточной степени деньгами, кадрами специалистов, оборудованием, да и просто помещениями. Впрочем, этот же упрёк можно высказать и по поводу всех остальных архивов нашей страны. Тем не менее И.В. Тункина самоотверженно продолжает ту линию борьбы за улучшение архивного дела в России, у истоков которой стояли его основатели и реформаторы Н.В. Калачов (1819–1885)), Д.Я. Самоквасов (1843–1911), С.Ф. Платонов (1860–1933).

Вводный очерк, таким образом, задаёт вдумчивому читателю книги верный камертон восприятия собранного в ней богатейшего материала. Тот демонстрирует и достижения и потери, плюсы и минусы, доблести и злодейства в архивном хозяйстве Российской Академии, причём с первых же шагов её фундаторов и, по сути, до наших дней. Подобная объективность исторических оценок — большая редкость для литературы, приуроченной к юбилейным датам, почти сплошь панегирической.

И.В. Тункина посвятила свой труд «Всем поколениям академических архивистов». И, действительно, на страницах книги выписано множество биографических портретов тех наших предшественников, кто оказался прямо причастен к собиранию и сохранению документов Академии: и её первых руководителей, и их помощников; и крупных специалистов, и рядовых работников. Многие имена возвращены автором из небытия и введены в историографический оборот. Оценки их поступков и личностных качеств реалистичны, плюсы и минусы характеров учтены. Взять для начального примера небезызвестного Шумахера, сначала Иоганна Даниэля, а затем на русской службе Ивана Даниловича (1690–1761). Первый, с 1724 года и пожизненный правитель Канцелярии АН вошёл в историю своими очень вредными для науки конфликтами с М.В. Ломоносовым и прочими академиками, но именно он железной рукой наладил исправное делопроизводство в подведомственных учреждениях науки и образования. Благодаря ему «большая часть научно-организационной переписки Академии наук дошла до наших дней практически в полном виде и составила ценнейший в мире научный архив XVIII в.» (С. 25).

Первая, небольшая главка работы посвящена обзору накопившихся в историографии точек зрения на дату основания Архива РАН. Называвшиеся прежде даты умещались в промежуток между 1724–1728 годами. Хотя относились они к документам разных подразделений Академии, которые только в 1922 году объединились в общее хранилище и получили название

Архива Академии наук: 1) Научному архиву (Конференции Академии, который восходит к архиву её Канцелярии), основанному по указу императора Петра II Алексеевича 17 января (по новому стилю) 1728 г.; 2) Архиву Отделения русского языка и словесности; 3) административно-техническому (архиву Правления); 4) библиотекам, основной и справочной. Формируясь по мере становления этих подразделений, в том числе и до официального открытия Академии, в так называемой Аптекарской канцелярии (1707–1725), которая первоначально ведала приглашением и оформлением на русскую службу иностранных учёных. Таким образом автору удаётся показать относительность устоявшейся ранее датировки основания Архива АН 1728 годом в сторону увеличения его фактического возраста до 1710-х годов. А отразившиеся в документах факты и основанные на них предположения о времени формирования Академического архива позволяют и даже требуют проследить становление самой Академии, её организационной структуры и кадрового состава, что автор и выполняет в следующих главах.

Там публикуются новые богатые материалы к истории всех основных подразделений и вариантов академического документохранилища: сначала относящихся к руководящим инстанциям АН — Архива Канцелярии Академии в XVIII в. (главы 2–4); Конференц-архива / Архива Конференции в XVIII – начале XX вв. (главы 5, 7, 10, 12, 13); далее, архивов академических департаментов — математического, переводческого, географического, исторического, художественного (особенно объёмистая глава 6); Отделения русского языка и словесности (глава 9); архива Комитета правления / Правления Академии наук в XIX – начале XX века (глава 8). Специалисты многих профилей смогут найти здесь интересные им материалы и указания на места их хранения. Этому помогают «Именной указатель», объёмистый список «Источников и литературы», завершающий издание. Оно содержит все положенные в академической печати технические справки — о тираже (500 экз.), издательстве и типографии («Нестор-История»), т.д., которые теперь всё чаще опускают издатели даже научной литературы, что не есть хорошо.

В главе 11 содержится весьма полный и поучительный сегодня обзор исследований по истории русской науки и культуры, выполненных в XIX веке по материалам академических архивов. Мы привыкли воспринимать эволюцию знания как непрерывный прогресс, а на самом деле, как показано в этой главе, по отдельным параметрам, по разным причинам современная историография в чём-то деградировала по сравнению с позапрошлым веком, а в чём-то, конечно, далеко обошла его.

Опять-таки отрадно практическое отсутствие отпечаток и прочих технических погрешностей на всём пространстве объёмистой (более 500 страниц, свыше 40 печатных листов) книги. В нескольких случаях автор, мне кажется, поддаётся современной, скорее журналистской моде злоупотреблять кавычками. Например, «Иваны, не помнящие родства»

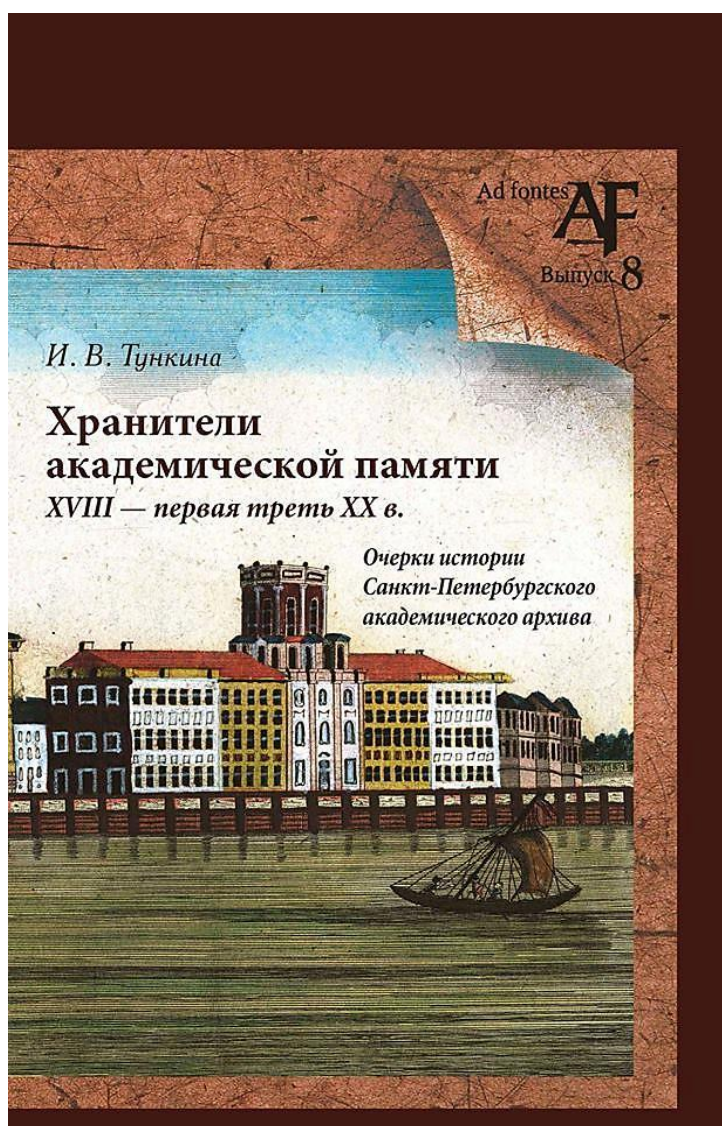
(С. 12), «"архивист по призванию" Г.А. Князев» (С. 437); ряд т.п. Кавычки ведь выражают обычно переносное, ироничное значение заключённого в них выражения. А в приведённых примерах такого подтекста вроде бы нет.

Заключительная, 15 главак объёмистой книги — «Первый "советский" директор академического архива Г.А. Князев» — служит ей «вместо заключения». Фигура эта в самом деле весьма характерна для перестройки русской науки с императорской на советскую формацию и вместе с тем удивительно своеобразная. Оказывается, Георгий Алексеевич Князев (1887–1969) родился в семействе петербургского купца, закончил в родном городе гимназию и историко-филологический факультет университета (1916). После чего всю жизнь служил по архивному ведомству. Начинал с низших чинов Архива морского флота и соответствующего министерства (Не привлекала ли платонически романтика океанских странствий этого инвалида, переболевшего в детстве полиомиелитом?). В 1929 году большевики назначили Князева заведующим Архивом АН СССР, даже не спросивши его согласия на это назначение. И.А. Тункина по архивным и редким печатным материалам мастерски воссоздаёт драматический контекст этого знакового эпизода научной политики советских властей. Как известно, поводом для так называемого «Академического дела» НКВД стал скандал, учинённый Централархивом во главе с М.Н. Покровским по поводу якобы неожиданной находки части документов Третьего отделения СЕИВ Канцелярии, членов императорской семьи в Библиотеке Академии наук, её же Пушкинском доме и Археографической комиссии. Хотя в самом Архиве АН подобного «компромата» не оказалось, заведовавший им А.С. Путилов был арестован в 1930-м и расстрелян в 1931 году. Кадровые чистки в Академии потрясли её на многие годы. В этих ужасных условиях Г.А. Князев оказался умелым и добросовестным посредником между коммунистическими властями и учёными «старой школы», то есть между тогдашней утопической идеологией коммунизма и настоящей наукой архивоведения. Под его руководством Архив наладил учёт, классификацию и распределение на постоянное хранение, тематическое описание документов известных учёных и академических учреждений; закрепил юридически за Академией наук право сохранения своих документов. Историографически точен вывод автора: «Благодаря умелой политике лавирования и компромиссов, проводившихся Князевым, Архив АН СССР стал островком "демократии" в архивном мире в период тотального закрытия архивов для учёных и повсеместного создания "спецхранов"» (С. 465). По образу и подобию академического Архива строились потом и другие научные архивы СССР. Именно о таких государственных учреждениях, сочетающих бюрократическую задачу сбережения документов с их научным исследованием и практическим использованием, мечтали в своё время первые реформаторы отечественных архивов Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов [4]. Как видно, именно такие специалисты, как Г.А. Князев, спасли всё, что оказалось возможным, из

лучших традиций русской науки имперского периода при советской власти, используя её лучшие стороны и мужественно противостоя худшим.

«И сегодня Архив РАН сохраняет традиции, заложенные Г.А. Князевым, — с полным основанием делает вывод автор, — действуя по намеченным им направлениям, обновляя и развивая основные виды архивной работы в новых условиях открытого информационного общества XXI века» (С. 466).

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, а часть книги написана с помощью гранта Российского фонда фундаментальных исследований. Полиграфия книги высококачественная, оформление — художественно выразительное. В дизайне обложки, её лица и оборота, выполненном И.А. Тимофеевым, использована цветная гравюра Университетской набережной северной столицы с первыми зданиями Академии, где до сих пор располагается соответствующий Академический центр, включая его филиал Архива РАН.

Отдельной ценностью для читателей книги являются её иллюстрации — высококачественные, цветные и тонированные репродукции ключевых

документов и портретов основных персонажей истории академического архива, извлечённые из его же фондов, многие впервые.

Справедливо подчёркивая главную роль академического архива как сокровищницы *научных* знаний, автор, как мне представляется, меньше, чем стоило бы, уделяет внимание *практическим функциям* архива, его возможному влиянию на общественно-политическую жизнь. А здесь, в свою очередь, выстраивается широкий спектр потребителей его документов — начиная с политиков, идеологов, публицистов, и заканчивая множеством частных лиц, чьи личные, семейные интересы могут быть так или иначе связаны со старыми документами Академии. Книгоиздательская серия, в которой вышел этот том, именуется «У источника. Материалы и исследования по истории *науки*». Приветствуя эту серию и особенно этот её 8 выпуск, замечу только, что архивы — не только наука, но и (едва ли не в первую очередь) практика (участия в политике, дипломатии, идеологии, педагогике, иных сферах жизни социума). Эта сторона архивной службы оказалась раскрыта в следующем — коллективном издании, осуществлённом под руководством И.В. Тункиной [5]. Деталь, но симптоматичная для архивной практики: какая-то часть документов по разным причинам вообще не подлежат на определённый срок обнародованию, но только хранению. К сожалению, сегодня процессы демократизации архивного дела на наших глазах дополняются или даже вытесняются новой волной их засекречивания, далеко не всегда обоснованного. Впрочем, это особая тема, отсылка к которой ничуть не снижает высокой оценки труда И.В. Тункиной. Эта книга как нельзя более актуальна и научно, и практически.

Литература

1. См.: Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук. Краткий справочник / Отв. ред. И.В. Тункина, сост. Н.В. Крапошина, И.В. Тункина, А.В. Шурухина и др. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Института истории «Нестор-История», 2004.

2. *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986; *Его же.* Русские археологи в период тоталитаризма. М.: 2004; др.

3. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). М.: Наука, 2002; *Её же.* Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011; др.

4. *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение, состав и устройство // Сборник государственных знаний. Т. IV. СПб., 1877; *Самоквасов Д.Я.* Архивное дело на Западе. М.: 1900; *Его же.* Архивное дело в России. Тт. 1–2. М.: 1902; *Щавелёв С.П.* Д.Я. Самоквасов — историк, археолог, архивист // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 177–183.

5. Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVII – начале XX в. Очерки истории. В 2 кн. / Сост. и отв.

ред. И.В. Тункина. СПб.: АРАН, 2016 (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 9); 2-е изд., испр. 2018.